

МАКРО- И МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 330.101.5
JEL B15+B25+P16

Станет ли мезоэкономика новым направлением в экономической теории?

Ю. В. Тарануха

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Тарануха, Ю. В. (2022) 'Станет ли мезоэкономика новым направлением в экономической теории?', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 38 (2), с. 259–284. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.205>

В статье дан обзор развития мезоэкономического подхода к анализу экономики и оценка его научного потенциала. Учитывая особенности развития мезоэкономического подхода, автор отдельно рассматривает эволюцию представлений о мезоэкономике в зарубежной и отечественной литературе. Показано, что в зарубежной литературе выделяются три подхода к проблеме: подходы с точки зрения региональной экономики и институциональной теории и методологический подход. Показано, что, наследуя идеи зарубежных авторов, российские ученые существенно расширили область научных исследований мезоэкономики, воплотившихся в целый ряд научных направлений, которые имеют тенденцию к обособлению друг от друга. Исследуя причины, вызвавшие интерес к мезоэкономике, и отдавая должное достижениям отечественной науки в решении рассматриваемой проблемы, автор статьи задается вопросом о том, может ли мезоэкономика в том виде, как понимается ее природа в настоящее время, стать новым направлением экономического анализа. В статье показано, что включение в мезоэкономику разных по своей природе субъектов хозяйствования ведет к размыванию границ мезопространства, а также делает аморфными объект и предмет мезоэкономических исследований. Признавая необходимым и возможным решением проблем мезоэкономики переход к применению системно-эволюционного подхода и к соответствующей ему методологии, автор обращает внимание на их ограниченные возможности. Учитывая, что требуется расширять инструменты анализа новых явлений современной экономики, автор делает вывод о наличии у мезоэкономики значительного научного потенциала. Его реализация предполагает определение природы субъектов, формирующих мезопространство, а также установление причин их возникновения.

Автор видит причину в противоречии, порождаемом современной гиперконкуренцией, — между потребностью в непрерывном инновационном лидерстве и невозможностью обеспечения этого в одиночку, — которое разрешается посредством возникновения принципиально новой формы осуществления производства: внутрипроизводственной кооперации специализированных, юридически и экономически самостоятельных фирм.

Ключевые слова: мезоэкономика, субъект мезоэкономики, мезоуровень экономического анализа, институциональная мезоэкономика, гетеродоксальная мезоэкономика, мезоэкономика общественного воспроизводства.

Введение

Понятие «мезоэкономика», означающее выделение промежуточного уровня в экономической системе, располагающегося между ее макро- и микроуровнем, было введено в научный оборот еще в 1960-е годы (Wittfogel, 1962). Однако подлинный интерес к этому понятию проявился только в последние десятилетия прошедшего столетия (см.: (Круглова, 2017; 2018a)). Хотя «выделение мезоуровня как объекта и предмета исследования» скорее экзотика для современных экономистов» (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2017, с. 9), интерес к данной проблеме усиливается. Особенно активно он возростал после финансового кризиса 2008 г. (Круглова, 2018a, с. 55), показавшего неспособность двухуровневого анализа решать проблемы современной экономики.

Наиболее заинтересованный отклик идея о выделении мезоэкономического пространства в качестве самостоятельного уровня анализа нашла среди российских ученых, работающих в русле институционально-эволюционной экономики. И если в зарубежной литературе выделение мезоэкономики носило теоретико-методологический характер, то интерес к ней со стороны отечественных исследователей был преимущественно практический, связанный с поиском путей преодоления застоя российской экономики (Клейнер, 2014, с. 8–9; Петраков, 2011, с. 132) и создания научного базиса для ее устойчивого роста (Маевский, Кирдина-Чэндлер и Дерябина, 2018, с. 32). Поэтому, говоря о значимости проблемы, следует выделить две причины. Одна — теоретико-методологического свойства, связанная с вопросом о дополнении экономического анализа еще одним уровнем: мезоэкономическим. Вторая причина — прагматическая, обусловленная запросом на создание теоретической базы для проведения эффективной экономической политики в условиях трансформации.

В статье не ставится задача дать авторское решение проблемы. Цель данной работы состоит в том, чтобы, используя накопленные к настоящему времени материалы по исследованию мезоэкономики, во-первых, отразить заключенный в ней исследовательский потенциал, а во-вторых — обратить внимание на слабые стороны существующих трактовок, мешающие превращению мезоподхода в новое направление экономического анализа. При этом автор ограничивает свою задачу обозначением возможных путей преодоления существующих недостатков. Сложность задачи обусловлена как многогранностью самого явления, так и многовекторностью его исследования. Одни авторы видят в мезоэкономике особое хозяйственное пространство, другие — новый метод экономического анализа, третьи — грядущее направление экономической теории. Мы полагаем, что во всех случаях речь идет

об одном явлении, только рассматриваемом с разных позиций. Именно под таким углом зрения и будет вестись наш анализ развития мезоэкономического подхода.

Для этого в первой части статьи мы проследим процесс становления мезоэкономических идей за рубежом. Затем, во второй части, мы исследуем вклад отечественных экономистов в развитие мезоэкономики. При этом будет проведен анализ потенциала мезоэкономических исследований с учетом разных подходов, имеющих место в отечественной литературе. В третьей части статьи будут проанализированы причины, приведшие к возникновению мезоэкономического анализа, и показана слабость существующей аргументации по поводу необходимости выделения дополнительного уровня в экономической системе и перехода к тринарной модели анализа. В четвертой части статьи мы обоснуем положение о том, что включение в мезопространство разнокачественных по природе субъектов ведет к размыванию его границ и делает аморфным объект и предмет анализа, не позволяя превратить мезоэкономику в новое направление экономической теории. В заключении будут даны краткие выводы исследования состояния и потенциала мезоэкономического подхода, а также намечены возможные пути преодоления нерешенных вопросов.

1. Генезис и развитие мезоэкономических исследований за рубежом

Исследователи истории вопроса о появлении понятия «мезоэкономика» (Волынский, 2017; Круглова, 2017) связывают его с именем К. А. Виттфогеля, употребившим этот термин для отражения особенностей регионального управления (Wittfogel, 1962). И хотя отклика в научном сообществе эта идея не получила, упоминание о мезоэкономике не было случайным. Доказательством этому служат работы других исследователей, которые независимо друг от друга выделили мезоуровень экономики в качестве особого объекта анализа (Kurt, Foster and Potts, 2004; Lambooy, 1990; Mann, 2011).

В 1968 г. А. Коул издает работу «Мезоэкономика: выводы из теории предпринимательства» (Cole, 1968). Он, как и Виттфогель, определил мезоэкономику в виде пространства, лежащего между микро- и макроуровнем экономики. Но его понимание природы и содержания этого пространства было совершенно иным: ученый полагал, что это бизнес-система, выступающая соединительной тканью между отдельной фирмой и сектором промышленности (Cole, 1968, pp. 11–16). Причем мезоуровень он рассматривал новым генератором перемен, противопоставляя его той роли, которую Й. Шумпетер отводил предпринимателю-инноватору. Но и эта идея не получила признания в научном сообществе.

В широкий научный оборот понятие «мезоэкономика» входит только в 1980-е гг. под влиянием работ Й.-К. Нг, в которых обосновывается необходимость применения мезоуровня экономического анализа в качестве дополнения к микро- и макрометодам (Ng, 1982; 1986). Мезоуровневый анализ понимался им как синтез микро- и макрометода и применялся в виде математических моделей, опирающихся на микроэкономическое основание — теорию общего равновесия при несовершенной конкуренции, — в котором применялись макропеременные: уровень цен и совокупный доход (Ng, 1986, p. 52). Мезоэкономика представлялась методологией,

позволяющей получать выводы о результатах деятельности фирм под влиянием макроэкономических условий.

Схожий подход принадлежит Ф. Стюарт, которая предложила выделять мезоуровень в качестве метода анализа, позволяющего проследить механизмы влияния решений, принимаемых на макроуровне, на агентов микроуровня (Stewart, 1992, p. 37). С. Холланд связал необходимость перехода к мезопарадигме в экономическом анализе с переменами в факторах рыночной координации — усилении влияния олигополий и распространении сетевых структур (Holland, 1987). Однако выделение новой иерархии в экономической системе не вызвало особого интереса в научных кругах, а введение дополнительного метода анализа было названо избыточным, поскольку микро- и макрометоды считались достаточным инструментарием для экономического анализа (Круглова, 2018б, с. 50).

Вместе с тем идея о выделении мезоуровня в экономике вызвала активный отклик у представителей институционально-эволюционного направления. Причиной этому послужило распространение в экономике всевозможных групповых объединений — кластеров и сетевых структур, которые требуют своего теоретического пространства (Dopfer, 2012, p. 142). В рамках институционально-эволюционного подхода выделяют неошумпетерианское и неoinституциональное направления (Волынский и Круглова, 2018, с. 196–198).

Представители неошумпетерианского течения (Dopfer, Foster and Potts, 2004; Dopfer, 2012) трактуют мезоэкономику как пространство, представленное совокупностями агентов микроуровня, но обеспечивающее трансформацию новых правил, создаваемых шумпетерианскими новаторами, сначала в коллективно признаваемую, а затем и в общепринятую норму. Таким образом, это пространство, где формируются, принимаются и распространяются социальные нормы и институты. В 2008 г. ведущие представители этого направления К. Допфер и Д. Поттс издали книгу «Общая теория экономической эволюции» (Dopfer and Potts, 2008), в которой теория эволюционной экономики основывается на тринарной модели экономики, объединяющей микро-, мезо- и макроуровни.

Неoinституциональное направление опирается не на предпринимателя, а на иерархическую природу эволюционного процесса. При этом эволюция экономики — это процесс генерации, адаптации и распространения правил, в котором мезоуровень выступает иерархией, в рамках которой протекают наблюдаемые процессы социальной и экономической эволюции, результатом чего становится появление новых институтов (Elsner, 2007). Следовательно, сторонники неoinституционального направления, подобно представителям шумпетерианского направления, трактуют мезоэкономику как иерархический уровень экономики, в рамках которого формируются новые институты. Различие заключается в разном понимании источников возникновения новых поведенческих норм. Для шумпетерианцев ими являются предприниматели-новаторы, а для институционалистов — процессы взаимодействия рыночных агентов. Но самая важная отличительная особенность неoinституционального подхода заключается в том, что в нем ставится вопрос о природе мезоуровня экономики. Это проявляется в том, что, во-первых, формирование мезоуровня в экономике связывается с возникновением особых групп, которые генерируют новые правила, а во-вторых, возникновение этих групп, как и новых правил, считается следствием стремления

к преодолению рыночной неопределенности и минимизации рисков (Elsner and Heinrich, 2009).

Другой подход к содержанию мезоэкономики обнаруживается у К. Менара (Menard, 2014) и его единомышленников (Menard, Jimenez and Tropp, 2018), анализ которого представлен в (Круглова, 2018б). По своей сути этот подход близок представлению Ф. Стюарт, так как мезоуровень в нем выделяется в качестве инструмента проведения реформ. Необходимость выделения мезоуровня объясняется недостаточностью «инструментов, объясняющих связи между институциональной средой (в интерпретации Менара — макроинституциональный уровень), и поведением экономических агентов, включая вопросы взаимодействия фирм на рынках» (Шаститко, 2019, с. 8). По мнению К. Менара, мезоинституты, занимая промежуточное положение между макроуровнем, на котором устанавливаются общие правила, и микроуровнем, где действуют механизмы (рынки, фирмы, гибридные формы) осуществления рыночных сделок (Menard, 2018, р. 8), выступают как посредники, которые обеспечивают, с одной стороны, реализацию общих правил посредством их трансформации в конкретные рекомендации, а с другой — обратную связь с пользователями этих правил (Menard, 2017). Таким образом, задача мезоуровня экономики состоит в том, чтобы обеспечить эффективную реализацию проводимой экономической политики, адаптируя формальные правила к конкретным хозяйственным условиям. Цель изучения мезоуровня экономики понимается как объяснение причин успехов и неудач реформирования общественных организаций (Menard, 2018, р. 6). Но она может быть и существенно шире — как объяснение «системы установления и распространения социальных правил, определяющих социальное взаимодействие» (Richter and Dragano, 2018, р. 163), а также взаимодействия внутри группы и между группами. Причем, как показывают исследования, роль мезоинститутов в реализации задач экономической политики может быть довольно противоречивой (Menard, Shabalov and Shastitko, 2021). Обеспечивая внутригрупповое взаимодействие, они могут противодействовать реализации задач антимонопольной политики.

Таким образом, за рубежом мезоэкономический подход, оставаясь на периферии экономической науки, постепенно получает признание в среде научного сообщества, особенно в части определения механизмов формирования институтов. Между тем некоторые специалисты в области институционального анализа задаются вопросом: не станут ли «мезоинституты» формальными сущностями, затрудняющими институциональный анализ (Шаститко, 2019, с. 5)? Не давая однозначного ответа на вопрос, его автор считает нововведение полезным как в теоретическом плане, акцентируя внимание на нерешенных проблемах, так и в практическом, обращаясь к институтам и механизмам, которые обеспечивают соблюдение правил (Шаститко, 2019, с. 21).

2. Этапы развития мезоэкономических исследований в отечественной науке

В отечественной научной литературе термин «мезоуровень» впервые был использован в 1998 г. в связи с исследованием проблем конкурентоспособности (Гельвановский, Жуковская и Трофимова, 1998). Однако мы полагаем, что эта работа,

как и подобные ей (см., например: (Тарануха, 2012)), не относятся к рассматриваемой мезопроблематике, так как они ограничиваются анализом иерархического устройства отдельных явлений: конкурентоспособности в первом случае и конкурентной системы — во втором.

Тем не менее именно среди российских ученых идея о выделении мезоэкономики в качестве особого среза экономической системы нашла благодатный отклик. Это было обусловлено поиском приемлемой для России модели социально-экономического развития (Дерябина, 2018, с. 30). Но, по-видимому, не последнюю роль сыграло унаследованное от марксистской теоретико-методологической парадигмы понимание эволюционной природы экономики и необходимости ее системного анализа (Мальцев, 2019, с. 147); возможно, также сказались традиции российского сознания (Петраков, 2011, с. 130) и тяга к «большим теориям» (Мальцев, 2019, с. 150).

За прошедшее двадцатилетие исследование мезоэкономики превратилось в одно из наиболее активно развивающихся направлений отечественной экономической науки, о чем свидетельствуют публикации ведущих экономических научных центров страны: Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) РАН (Клейнер, 2001; 2010) и Института экономики РАН (Маевский, Кирдина-Чэндлер и Дерябина, 2018; Маевский и Кирдина-Чэндлер, 2020). Постановлением Президиума РАН мезопроблематика была включена в состав основных направлений научных исследований, а также в перечень тем Государственного задания научным учреждениям РАН. Анализ развития теории мезоэкономики в отечественной литературе отражен в целом ряде статей (см.: (Волынский и Круглова, 2018; Волынский, 2018а; Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020; Кирилук, 2018)). Поэтому мы ограничимся только выделением основных этапов этого процесса.

Подлинными пионерами изучения мезоэкономики в России следует признать ученых ЦЭМИ. Они начали первый этап в становлении мезотеории в России, длившийся с 2000 до 2015 г. Здесь в наибольшей степени прослеживается преемственность с зарубежными исследованиями мезоэкономики. Как и за рубежом, у нас интерес к мезоэкономике возник в связи с исследованием проблем региональной экономики (Клейнер, 2001). Первоначально создавалась мезоэкономика переходного периода, акцентировавшая внимание на той роли, которую играют в экономике совокупности предприятий и партнерские отношения. В более поздней работе ученых ЦЭМИ (Клейнер, 2010) границы мезоэкономических исследований расширяются до изучения «средних по уровню и масштабам экономических систем» (Петраков, 2011, с. 130), которые включают: 1) отрасли и подотрасли народного хозяйства; 2) межотраслевые вертикальные и надотраслевые комплексы типа агропромышленного и военно-промышленного; 3) регионы, территориальные группы предприятий; 4) территориальные социально-экономические образования (Клейнер, 2010, с. 9). Постепенно пространственное исследование мезоэкономики получило институциональную направленность, оформившись в виде «формулы Клейнера» (Волынский, 2017, с. 36), которая провозглашала мезоуровень экономики сферой изучения институтов (Клейнер, 2003, с. 16). Этот подход получил высокую оценку как имеющий важное значение для развития теории и совершенствования практики (Петраков, 2011, с. 129–132).

Начало второго этапа развития мезоэкономической теории в России не означает завершения первого. Тем более что второй этап зарождается в недрах перво-

го. Его началом можно считать развертывание в 2010 г. работ учеными Центра эволюционной экономики Института экономики РАН. Их подход, как указывают сами авторы, отличается от подхода ученых ЦЭМИ «расширением ареала мезоэкономической теории за счет интеграции в нее» теории переключающегося режима воспроизводства, исследований в области экономической синергетики и теории институциональных матриц (Маевский, Кирдина-Чэндлер и Дерябина, 2018, с. 10). Этот подход в настоящее время развивается наиболее активно. Его главная отличительная особенность — использование системно-эволюционной методологии анализа. Результат этого анализа оказался многомерным. Возникло направление институциональной мезоэкономики, рассматривающей мезоуровень в качестве пространства формирования новых институтов. Сторонники эволюционно-синергетического подхода (Дерябина, 2018, с. 30), признавая правомерность рассмотрения мезоэкономики в качестве институционального пространства, акцентировали внимание на системности и нелинейности экономических явлений. В этой связи за мезоуровнем закреплялась более важная функция — формирование структур и механизмов, обеспечивающих самоорганизацию и эволюцию экономической системы (Маевский, Кирдина-Чэндлер и Дерябина, 2018, с. 89).

Параллельно, начиная с 2010 г., активно развивается направление «мезоэкономика общественного воспроизводства» (Маевский, 2010). Здесь будет уместно отметить два обстоятельства. В данном подходе трактовка мезоэкономики в качестве пространства между микро- и макроэкономикой рассматривается как страдающая ограниченностью и признаками механистического подхода (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2017, с. 8–9). Кроме того, будучи связанной с особенностями национального воспроизводственного процесса и институциональной системы страны, мезоэкономика становится тем уровнем системы, который определяет специфику макросистемы страны (Кирдина, 2014; Кирилюк, 2018, с. 221), что фактически поддерживает идею о национальной привязке мезоэкономики (Клейнер, 2018, с. 26–27). Рассматривая мезоэкономику общественного воспроизводства «как направление, идущее вслед за «институциональной мезоэкономикой» (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020, с. 41), ее сторонники указывают на ряд принципиальных отличий, ставящих это направление особняком по отношению к другим подходам: 1) методология, родственная марксистской теории воспроизводства капитала; 2) внимание к денежным кругооборотам внутри экономики; 3) трактовка мезоуровня как совокупности производственных структур, обеспечивающих процесс воспроизводства всей экономики (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020, с. 40–41).

Исследования в русле «экономики сложности», характеризующейся эндогенной неравновесностью и эволюционностью (Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 14), а также «классических традиций политической экономии» (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020, с. 40), учитывающих системность, эволюционизм и историческую обусловленность экономических изменений (Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 14), привели к рождению новой гетеродоксальной теории мезоэкономики. «Новой» она была в том смысле, что отличалась от «традиционной» гетеродоксальной мезоэкономики, которая ограничивается изучением региональных и отраслевых структур системы управления. Провозглашение этих принципов на IX Всероссийском симпозиуме по экономической теории в Екатеринбурге в 2020 г. в качестве основополагающих исследовательских инструментов новой гетеродоксальной мезоэкономики (Кир-

дина-Чэндлер, 2020) можно считать началом третьего этапа развития мезотеории в России. «Новая» гетеродоксальная мезоэкономика провозглашается в качестве направления в экономической теории, ориентированного на изучение «динамических структур, упорядочивающих и обеспечивающих развитие экономических систем» (Кирдина-Чэндлер, 2020). Она опирается на качественно иную методологию. Вместо атомизированных «черных ящиков» анализируются реальные системы. На смену статике приходит эволюционная динамика. Вместо рациональных ожиданий применяется принцип организации систем, где ценовой механизм и конкуренция дополняются положительными обратными связями и различными формами кооперации.

Несмотря на наличие методологического единства среди российских сторонников мезоэкономического подхода, «общепризнанной мезоэкономической теории, интегрированной в конструкцию “микро/макроэкономикс” пока не сложилось» (Маевский, 2018, с. 19). Она «находится лишь в стадии своего становления и далека от возможного закрепления определенных доктринальных основ» (Волынский, 2017, с. 46). У каждого направления гетеродоксальной мезоэкономики свой объект и предмет исследования, теоретические основания и инструменты (Кирдина-Чэндлер, 2020). Но важным достижением является общепризнанное понимание того, что мезоуровень экономики — это часть хозяйственной системы, где «в ходе взаимодействия экономических агентов (субъектов, подсистем) возникают и реализуются механизмы экономического развития» (Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 14). Именно это делает настоятельной необходимостью переход от традиционной бинарной (микро- и макро-) модели к тринарной (микро-, мезо-, макро-) модели экономического анализа (Волынский, 2018б, с. 47–48).

В настоящее время существует две типологии подходов к исследованию мезоэкономики (рис.). При этом типология А. И. Волынского включает только российские исследования, в то время как типология С. Г. Кирдиной-Чэндлер и В. И. Маевского, помимо отечественных, включает и зарубежные исследования. Характерным, однако, является то, что авторы обеих типологий подчеркивают отсутствие противоречий между выделенными подходами. Такая непротиворечивость объясняется теоретическим и методологическим единством всех подходов, состоящим в том, что:

- экономика понимается как изменяющийся набор институтов и технологий;
- иерархическая структура экономики обеспечивает самоорганизацию системы;
- внимание акцентируется на эндогенной неравновесности экономики;
- анализ опирается не на «игровые» допущения, а на реальные структуры и процессы (Нешитой и Иванов, 2019, с. 200).

При наличии устоявшихся взглядов новое всегда встречают скептически. Российские экономисты демонстрируют не только «весьма настороженное отношение» к мезоэкономике, но и выражают «сомнение в целесообразности выделения мезоуровня анализа в дополнение к «прекрасно работающей дихотомии микро — макро» (Кирдина-Чэндлер, 2018). Это означает, что отношение к мезоэкономике не ограничивается сомнениями в ее полезности, но и характеризуется неприятием мезоидей частью отечественных экономистов. Хотя, как справедливо отмечается,

Рис. Типология подходов к исследованию мезоэкономики
Составлено по: (Волынский, 2017, с.38; Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020).

«мезоэкономике не критикуют, ее, скорее, игнорируют» (Волынский, 2020, с. 669). Действительно, работ критической направленности очень мало, а имеющиеся являются рецензиями на труды по мезоэкономике. В них высказывается сомнение в необходимости выделения мезоуровня как дополнительного объекта анализа, а мезоэкономике — как самостоятельной дисциплины, которую можно было бы «поставить в один ряд с микро- и макроэкономикой» (Демьяненко, 2013, с. 149–150, 168). Хотя в других рецензиях, наоборот, подчеркивается отсутствие «необходимости... подтвердить легитимность относительно нового раздела экономической науки мезоэкономике» (Петраков, 2011, с. 129–130), а также ее «высокая актуальность» и «большой потенциал» (Мальцев, 2019, с. 149–150). Главный упрек состоит в стремлении сторонников мезоэкономике представить ее в качестве «всеобъясняющего» средства анализа (Мальцев, 2019, с. 154–155). И это, возможно, главная причина настороженного отношения научного сообщества к мезоэкономике, предлагаемой в качестве очередного «единственно верного» учения. Тем не менее в Рос-

сии мезоэкономика стала объектом внимания некоторых исследователей ведущих научных центров страны.

Анализ становления мезоэкономической теории позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, рождение мезоэкономического подхода связано с качественными переменами в экономике, которые были развернуты на рубеже XX–XXI столетий. Во-вторых, мезоэкономика — это экономико-производственное пространство, формируемое между микро- и макроуровнями экономики действующими субъектами микроуровня в виде институциональной среды. В-третьих, мезоэкономика не имеет общепризнанной трактовки и может развиваться разными путями. В-четвертых, развиваясь в рамках системно-эволюционного подхода, мезоэкономика все больше превращается в объект политэкономического анализа (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020, с.40). Подытожив, можно сказать, что мезоэкономика — новое явление, возникшее вследствие усложнения экономической системы и требующее для своего анализа особого методологического подхода.

3. Причины возникновения и исследовательский потенциал мезоэкономического подхода

Эволюция мезоуровневого подхода понятна и закономерна и демонстрирует движение от простого к сложному. Но дает ли он ответ на вопрос о том, что же есть мезоэкономика? Казалось бы, все сторонники мезоэкономического подхода говорят об одном и том же — экономическом пространстве, находящемся между микро- и макроуровнем экономической системы. Однако наполнение этого пространства понимается по-разному: от региональной экономики и формирования институтов до механизмов самоорганизации системы и обеспечения общественного воспроизводства. Учитывая, что мезоэкономика «может рассматриваться в теоретическом, политическом, целевом и практическом аспектах» (Петраков, 2011, с.132), вопрос об определенности объекта и предмета мезоанализа приобретает особое звучание. Для решения вопроса важно правильно выстроить логику анализа. Первоначально следует выявить причины возникновения проблемы. Затем — определиться с соотношением понятий «мезоэкономика» и «мезоуровень». После этого мы обратимся к вопросам о содержательном аспекте мезоэкономики, ее составе и предмете изучающей ее дисциплины.

Установление причин обращения к явлению, хотя и неравнозначно вскрытию причин его возникновения, важно, поскольку помогает понять не только истоки проблемы, но и природу явления. В отношении мезоэкономики таких причин называется много. Но все они сводятся в две группы: практического и теоретического свойства.

Начнем с практических, поскольку и на Западе, и у нас исторически первой была причина практического свойства. В первом случае это было становление региональной экономики. В России причина еще более прагматична — потребность в создании связующего звена «между двумя предметными сферами экономического анализа и экономической политики» (Клейнер, 2003, с.15). Эта задача возлагалась на мезоуровень экономики, представленный совокупностями предприятий и организаций, реализующих согласованное поведение группового объекта. Логично, что в этой связи изучение мезоэкономических структур рассматривалось

как эквивалент изучения институтов с учетом организационного и поведенческого своеобразия участников (Клейнер, 2003, с. 15–16). Экономическая политика по отношению к мезоуровню — это не просто политика отраслевой или региональной направленности, а политика, ориентированная на те объекты мезоэкономического уровня, которые обеспечат развитие всей экономики (Петраков, 2011, с. 132). В последующем необходимость обращения к мезоэкономической тематике была закреплена потребностью в решении задач инновационного развития, где мезоуровню отводилась роль пространства, где формируются и закрепляются инновационные решения (Волынский, 2017, с. 36; 2018а, с. 39). При этом был выдвинут тезис о том, что бинарная модель анализа, отражающая взаимосвязь между макроэкономическими процессами и поведением агентов микроуровня экономики, не имеет универсального характера. Работая эффективно в условиях развитого капитализма, она не обеспечивает должной взаимосвязи между микро- и макроуровнями в экономиках развивающихся стран, побуждая к переходу к тринарной модели анализа, дополняемой мезоуровнем (Клейнер, 2018, с. 26–27). Поэтому Запад и не проявил интереса к мезоанализу.

Одна из причин теоретического толка — это ставший уже традиционным упрек неоклассике в ограниченности ее аналитических возможностей (Клейнер, 2018; 2020). Ортодоксальный подход упрекают в алгебраизме, который способен при помощи простых и элегантных микро- и макромоделей объяснить механизмы ценообразования и равновесия, но не может описать реальное поведение агентов рынка и является врагом анализа эволюционной экономики (Dopfer, Foster and Potts, 2004, pp. 277–278).

Упреки в адрес господствующей бинарной методологии анализа нельзя назвать необоснованными. Однако не следует забывать, что любой процесс, даже самый динамический, состоит из субъектов, поведение которых определяется отнюдь не динамикой, а окружающими условиями — конкретным временем и местом, то есть здесь и сейчас. Это говорит о востребованности инструментария статического анализа. Здесь важно разграничивать вопросы о существовании явлений (процессов) и о методе их исследования (Кондратьев, 1989, с. 53–56). Явления динамичны по своей природе и требуют соответствующего метода. Но их можно анализировать как с позиций статики, в условиях неизменного их состояния, так и динамики, в условиях их качественных изменений. Задача статического анализа — установление составных элементов явления и связей между ними; в то время как задача динамического — выявление логики изменения явления. Поэтому противопоставление тринарного подхода бинарному едва ли будет плодотворным.

Причиной перехода к мезоанализу называется усложнение экономики, требующее расширения методологического инструментария (Маевский, 2018, с. 18; Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2017, с. 10). Ее усложнение видится в том, что мы имеем дело не с атомистической системой, а с системой иерархически организованной, способной к самоорганизации (Маевский, 2018, с. 18). Анализ таких систем требует новых методологических подходов, нацеленных на исследование динамических структур мезоуровня, которые обеспечивают взаимосвязанное развитие всех уровней экономики.

Названные причины достаточно очевидны. Возникло новое явление, значит, требуется новый метод анализа. Но возникает вопрос: «Почему оно не может быть

исследовано при помощи существующих методов анализа?» Например, представление мезоуровня в виде экономики региона, города или совокупностей предприятий указывает на то, что в основе выделения этих объектов лежит размерный фактор. Но сколь бы существенными ни были особенности указанных объектов анализа, все они суть рыночные агенты. В нашем случае это является решающим фактом, поскольку рыночные агенты независимо от их размера и внутреннего устройства демонстрируют если не одинаковые, то весьма схожие принципы поведения. Микроинструментарий окажется вполне адекватным для анализа поведения даже таких структур, как финансово-промышленные группы. Видимо, именно по этой причине выделение мезоуровня анализа не было поддержано сторонниками неоклассического подхода.

Что касается региональной экономики, то она, по сути, решает ту же проблему, что и макроуровень, — создание благоприятной для экономического роста среды, — только в более скромном масштабе. Необходимости в особом инструментарии снова не возникает. Значит, для исследований в поведенческом аспекте, то есть в разрезе реагирования рыночных агентов или их совокупностей на изменение рыночных условий, имеющийся инструментарий микро- и макроанализа оказывается достаточным. Во-первых, введение дополнительного инструмента анализа на практике будет иметь формальное значение. Во-вторых, микроанализ тоже не стоит на месте. Современная микроэкономика уже предлагает опирающиеся на теорию игр сложные динамические модели, которые позволяют учесть сложность и своеобразие реальных агентов рынка (Маевский, 2018, с. 20).

Проблема обеспечения связи между микро- и макроуровнями экономики действительно серьезный аргумент для поиска инструмента, способного дать эффективное решение. Смеем, однако, заметить: существует она с тех пор, как производители стали работать на рынок. Просто способы ее решения будут разными. В чистой рыночной экономике — это конкурентно-ценовой механизм. В советской экономике подобную функцию выполняли межотраслевые балансы. Современная же смешанная экономика характеризуется сочетанием элементов рынка и плана. Вопрос в том, как будет обеспечиваться это сочетание.

Нельзя не признать, что выработка, распространение и укоренение новых правил и норм происходит в процессе отраслевого взаимодействия фирм. Вопрос в том, могут ли эти нормы служить проводниками целей макроэкономической политики, реализуемой государством? Сомнительно, так как у рыночных агентов эти нормы всегда будут направлены на поиск эффективного способа реализации частного интереса. Если, к примеру, в качестве мезоструктуры взять финансово-промышленную группу, то совершенно ясно, что она становится проводником макроэкономической и/или отраслевой промышленной политики только в том случае, если эта политика отвечает ее интересам, и только в той части, где она способствует повышению конкурентоспособности и рентабельности группы. В этой связи нам представляется уместным солидаризироваться с позицией Э. Б. Ершова, который полагает «неправильным считать мезоэкономику мостиком между микроэкономикой и макроэкономикой», несмотря на существование многочисленных структур промежуточного характера (цит. по: Шинкаренко, 2012, с. 120). Иначе говоря, соображения практического характера могут объяснить причину обращения внимания к мезоэкономике, но не могут раскрыть причину ее возникновения как нового явления.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что аргументация по поводу необходимости выделения в экономической системе дополнительного уровня и перехода к тринарной модели анализа, выдвигаемая сторонниками мезоэкономического подхода, довольно слаба и не может служить веской причиной для требуемых нововведений. Это, однако, не следует рассматривать в качестве аргумента в пользу отрицания существования самой мезоэкономики и необходимости в особом методе ее исследования. Задача в том, чтобы найти подлинную причину возникновения мезоэкономики как явления. Тем более, что непонимание такой причины препятствует раскрытию природы мезоэкономики, следствием чего является аморфное представление о ее границах и отсутствие ясности в отношении объекта и предмета мезоанализа. Неопределенность в отношении причины возникновения мезоэкономики выразилась во включении в сферу мезоэкономики качественно разнородных субъектов, а также в многочисленности трактовок предмета мезоэкономических исследований. Все это можно было бы отнести к проблемам «роста». Дело, однако, в том, что, как показывает процесс развития мезотеории, указанные обстоятельства ведут не к интеграции, а к обособлению существующих в этой теории течений. Между тем выделение четко оформленного объекта мезоанализа позволило бы, с одной стороны, очертить границы мезоэкономики, а с другой — обозначить ее предмет. Это помогло бы устранить многие нерешенные вопросы мезоанализа.

4. Об объекте и предмете мезоэкономического анализа

Для решения любой проблемы чрезвычайно важным является наличие четкого категориального аппарата. Такой аппарат не только облегчает понимание сути обсуждаемых вопросов, но и способствует устранению разночтений и излишней полемики. В рамках современных мезоэкономических исследований строгости в применении понятий «мезоуровень» и «мезоэкономика» пока не сложилось. Они часто используются как синонимы даже в тех случаях, когда в них вкладывается разное содержательное наполнение. Проблема усложняется тем, что она имеет два аспекта анализа: онтологический и гносеологический (Петраков, 2011, с. 129). Нам удалось найти лишь один источник, где дано явное разграничение рассматриваемых понятий. В нем мезоуровень определяется как «онтологическая категория экономического пространства», наполняемая экономическими объектами, не входящими в сферу микро- и макроэкономики, а мезоэкономика — как «естественное поле формирования и действия экономических институтов» (Волынский, 2020, с. 670). Если абстрагироваться от нюансов, то можно сказать, что мезоуровень — это хозяйственная структура, а мезоэкономика — механизм ее действия.

Ни классическая, ни марксистская, ни неоклассическая теории «не ставили своей целью выделение качественно различных уровней иерархии экономики» (Кириллук, 2018, с. 51). Применение уровневого анализа экономики в неоклассической теории — это не признание иерархического устройства экономики, а лишь отражение специфики методологии анализа, обусловленной тем, что одни и те же экономические процессы при разной степени агрегации могут давать разные результаты. Поэтому микро- и макроэкономика всегда определяются как разделы теории либо как уровни анализа. Это говорит о том, что в неоклассическом анализе уровневое деление имеет гносеологическую природу. В этой связи возникает

вопрос: существует ли жесткое соответствие между онтологическим и гносеологическим подходами? Проще говоря, может ли применяться метод анализа при отсутствии в экономике соответствующего ему уровня?

В рамках мезоэкономического подхода вопрос о содержании понятия «уровень экономики» перестает быть формальным. Напротив, он выдвигается на первый план, так как без четкого ответа на него нельзя определиться с ответом на вопрос об уровне дифференциации экономики, а значит, и обосновать выделение в ней мезоуровня. Поиск ответа, в свою очередь, связан с необходимостью решения ряда других вопросов: почему существует уровеньное деление экономики? что является критерием выделения уровня? каково содержательное наполнение уровня экономики?

Сторонники уровеньного деления экономики связывают его со сложностью экономической системы (Маевский 2018, с. 22), выражающейся в ее нелинейности, неустойчивости и эволюционности (Кирдина-Чэндлер, 2018). Логично возникает вопрос: существует ли иерархия в экономике всегда как определенный набор уровней или этот набор изменяется в процессе ее развития? А если изменяется, то где тот качественный излом сложности, который генерирует выделение нового уровня? Хотя сам тезис о «сложности экономики» как причине ее иерархического устройства не вызывает возражений, он дает лишь представление об иерархической природе экономики. Если выделение мезоуровня связывается с переходом к «экономике сложности» (Кирдина-Чэндлер, 2018), возникает необходимость, во-первых, в определении понятия «сложность экономики», а во-вторых — в установлении критерия для оценки степени сложности и выделения каждого уровня, иначе возникнет «мода» на поиск новых уровней, например нано- и мега-

В литературе, посвященной мезоанализу, ответов на указанные вопросы мы не обнаружили. Нет ясности даже в отношении предметной определенности уровня экономики. В одном случае под ним понимается «часть экономической системы, обобщенная по объектам и субъектам», в другом — особый экономический процесс. Если подойти к вопросу об уровне устройстве экономики онтологически, то есть с позиции определения уровней экономики как сущностей, то очевидно, что, во-первых, уровеньное деление экономики должно иметь объектную природу. Соответственно, во-вторых, выделение самих уровней возможно только при наличии олицетворяющих их объектов. В этой связи определение уровня экономики как пространства, наполненного экономическими объектами определенного типа (Волынский, 2020, с. 670), представляется вполне обоснованным. При таком подходе выделение микроуровня не вызывает трудностей, так как он представлен обособленно действующими агентами рынка, имеющими сходные поведенческие модели. Иначе дело обстоит с другими уровнями экономики.

Какова объектная определенность макроуровня экономики? Если это «конкретные макроэкономические организации, такие как Центральный банк, Федеральная налоговая служба, Министерство экономического развития и т. д.» (Маевский, 2018, с. 18), то существует ли макроуровень там и тогда, где нет сейчас или когда-то не было этих учреждений в экономике? Что должно стать предметом анализа при их наличии? Их устройство, поведение или тип взаимодействия? Все это сфера управленческой науки. Если анализировать проводимую регулирующими органами экономическую политику, то это сфера нормативного анализа. Не слу-

чайно, когда речь идет о макроуровне экономики, происходит молчаливое замечание объектов процессами, отражающими изменения разных агрегированных величин.

Иначе обстоит дело с выделением мезоуровня экономики. Первое, на что здесь следует обратить внимание, так это на то, что в отличие от микро- и макроуровня, считающихся как бы по умолчанию внеисторическими, в отношении мезоуровня применяется исторический подход, предполагающий возникновение этого уровня только на определенной стадии развития экономики — при достижении ею определенной степени сложности. Что касается объектного наполнения, то мезопространство оказалось заполнено настолько разными составляющими (Клейнер, 2018, с. 27), что потребовалась их типология, в которой были выделены:

- отраслевая мезоэкономика (отрасли и подотрасли народного хозяйства);
- межотраслевая мезоэкономика (вертикально интегрированные комплексы, комплексы типа агропромышленного и военно-промышленного);
- региональная мезоэкономика (регион, территориальная группа предприятий);
- межрегиональная мезоэкономика (территориальные образования) (Клейнер, 2010, с. 9).

Хотя размерная несхожесть объектов мезоуровня бросается в глаза, не это главное. Масштаб объекта — признак вторичного порядка. Проблема состоит в том, что мы имеем дело с явлениями, разными по своей природе. Одно дело вертикально интегрированные комплексы и отрасли, и совсем другое — регионы и территориальные объединения предприятий и организаций. Между ними всегда можно найти объединяющие признаки (Клейнер, 2010, с. 9), но это не снимает вопроса об их содержательной несопоставимости, отражающей в одном случае отраслевую, а в другом — пространственную специфику. Это несоответствие усугубляется еще и тем, что даже при агрегированной группировке в каждой подгруппе будут присутствовать качественно разные по своей природе субъекты. Возьмем, например, отрасль и вертикально интегрированный комплекс. Несмотря на название изучающей отрасли дисциплины — *industrial organization*, по факту объектом ее анализа является не отрасль, а отраслевой рынок, представленный совокупностью производителей субституттов. Поэтому отраслевой рынок относится к микроуровню экономики, а изучающая его дисциплина — к микроанализу. Вертикально интегрированный комплекс, несмотря на сложность своего внутреннего устройства, с экономической точки зрения также является объектом микроуровня экономики и микроанализа, так как является агентом рынка. Однако между этими явлениями имеется принципиальное различие. Для микроэкономики отрасль — это научная абстракция, представляющая собой довольно сложно устанавливаемую совокупность объектов. Это виртуальное явление, лишенное целевых императивов и управляющих центров. Любая вертикально интегрированная структура имеет четкие границы, конкретные цели и, возможно, обладает не явно выраженным, но действенным центром управления. Но суть различия состоит в принципиально разных способах их координации: рыночном для отрасли и иерархическом для интегрированной фирмы.

То же касается и пространственной экономики. Если экономика города и региона — однопорядковые явления, то по отношению к ним экономика кластеров или

индустриальных сетей — явления иного порядка. И дело здесь вовсе не в сложности идентификации субъектов, а в разности их предметной определенности. При пространственном подходе предметом анализа становятся социально-экономические процессы и механизмы, действующие в рамках региона и города. При отраслевом подходе в фокусе анализа оказываются либо организационно-управленческий аспект, когда речь идет об экономике отрасли, либо механизмы использования ресурсов, когда речь идет об экономике предприятия. Теорию отраслевых рынков (*industrial organization*) нельзя отнести к отраслевому подходу, так как она, несмотря на название, изучает не отрасль, а особенности отраслевой конкуренции. При этом важно отметить, что в любом из подходов анализ будет иметь существенный управленческий крен, что не отвечает природе обсуждаемой проблемы, сугубо экономической по своему содержанию, — обоснование уровня устройства экономики, а не системы управления ею.

Сказанное свидетельствует о том, что мезопространство, в том виде, в каком оно трактуется сторонниками мезоподхода, заполнено качественно разнородными объектами. Как следствие, возникает отсутствие онтологического единства среди объектов, относимых к мезоуровню экономики. Да и возможно ли существование того обилия мезоэкономик, которое выделяется ее сторонниками? Можно возразить: микроуровень также представлен широким разнообразием объектов, дифференцированных по размеру и устройству. Но почему тогда не выделяются соответствующие виды микроэкономики? Формальные основания для этого всегда найдутся, например различия в поведенческих характеристиках фирм. Все дело в том, что теоретический анализ призван избавляться от случайного и второстепенного и выделять признаки, диагностирующие принадлежность к конкретному явлению. Для микроанализа любая фирма — рыночный агент, стремящийся к извлечению выгоды. За счет чего и каким способом — это нюансы. Этот же принцип должен работать и на мезоуровне экономики. Поэтому даже возможность изучения мезоэкономики в разных аспектах не устраняет необходимости соблюдения качественной однородности объектов, включаемых в конкретное явление.

Некоторые экономисты не видят в этом препятствий для создания общей мезоэкономической теории (Маевский, 2018, с. 25). Однако следствием такого объектного «богатства» станет аморфность и размытость мезоуровня экономики. Установить его границы будет трудно, а сам он неизбежно будет сопрягаться с микро- и макроуровнем. Если же признать все эти разнохарактерные сущности (отрасли, крупные промышленные комплексы, регионы) объектами мезоуровня экономики, то вполне резонным становится вопрос о наличии у них общей методологической базы, которая охватывала бы все эти сущности (Шинкаренко, 2012, с. 118).

В настоящее время весьма соблазнительно увязать возникновение субъектов мезоэкономики с цифровизацией и распространением платформенных компаний. На наш взгляд, ни то, ни другое не является причиной возникновения предприятий нового типа. Не случайно в работах, посвященных мезоэкономической тематике, этой связи не обнаруживается. Указанные явления, несомненно, оказывают влияние на становление мезоэкономики, но лишь опосредованное, в качестве одного из факторов, воздействующих на интенсивность процессов, которые формируют ее базу. У мезоэкономики иная природа. Она обусловлена разрешением противоречия, возникающего между потребностью в непрерывном инновационном ли-

дерстве и невозможностью обеспечения этого в одиночку. Именно это приводит к возникновению принципиально новой формы осуществления производства — внутрипроизводственной кооперации специализированных, юридически и экономически самостоятельных фирм. Этот принципиально новая форма предприятия, одновременно соединяющая в себе сотрудничество и конкуренцию и благодаря этому непрерывно генерирующая стимулы для инновационного развития. Именно предприятия такого рода формируют мезоуровень экономики.

Нам представляется, что такое предприятие, обеспечивая эволюцию материальной и институциональной базы производства, превращается в форму воспроизводства производительных сил общества, служащую основой формирования мезоуровня экономики. Сетевые формы организации производства, кластеры и предпринимательские экосистемы — это еще не мезоэкономика, но, несомненно, являются той базой, на которую опирается ее становление. Именно развертывание этого процесса формирует запрос на создание новой парадигмы анализа нового уровня экономики, пространство которого будет функционировать по новым правилам (потребуется новых правил взаимодействия), а его субъекты будут опираться на новые принципы взаимодействия.

Между тем в системно-эволюционном подходе трактовку мезоэкономики как промежуточного звена экономической системы, представленного отраслями и секторами экономики, стали рассматривать как ограниченную, страдающую «определенной механистичностью» (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2017, с. 9, примеч.). В монографии Института экономики РАН «Мезоэкономика: состояние и перспективы» уже подчеркивается разница между конвенциональным (общепринятым или традиционным) и современным (гетеродоксальным) пониманием мезоуровня экономики (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2018, с. 66). Суть различия состоит в том, что если в первом случае уровневое деление экономики опирается только на объектный принцип, то во втором наряду с объектным применяется и субъектный принцип, «включающий институциональные структуры и механизмы, определяющие правила поведения и взаимодействия мезоэкономических структур» (Нешитой и Иванов, 2019, с. 197). Проще говоря, мезоуровень — это пространство, наполненное не только объектами, но и процессами, которые формируют правила и структуры, обеспечивающие самоорганизацию сложных систем. Такой итог представления мезоуровня экономики был вполне логичным с точки зрения институционального подхода, трактующего мезоуровень как пространство формирования институтов. Но это одновременно означает стирание того разграничительного рубежа, который отделяет мезоуровень, выступающий в качестве пространства, наполненного объектами, от мезоэкономики, являющейся «полем формирования и действия экономических институтов» (Волынский, 2020, с. 670–672). Это позволяет считать, что в рамках подхода, господствующего среди отечественных исследователей, понятия «мезоуровень» и «мезоэкономика» являются синонимами.

Что же представляет собой мезоэкономика в глазах современных исследователей? Дать ей однозначное определение затруднительно в силу многогранности самого явления. Поэтому приведем расширенное толкование, отражающее специфику разных трактовок. Во-первых, это пространство, включающее объекты, которые функционируют вне рамок микро- и макроуровня. Во-вторых, это «генератор институтов, упорядочивающих и организующих взаимодействие субъектов микро-

и макроуровня» и одновременно пространство возникновения и распространения мезоправил на микро- и макроуровнях (Маевский, 2018, с. 20). В-третьих, это «набор организаций, оказывающих непосредственное воздействие на поведение микроэкономических организаций (фирм)» (Маевский, 2018, с. 25). Наконец, это «набор способов достижения целей функционирования макроэкономической системы», поскольку именно на мезоуровне действуют механизмы стимулов и препятствий для экономического роста (Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 10). Резюмируя, можно сказать, что мезоэкономика — это то, посредством чего обеспечивается не только экономический рост, но и качество этого роста, то есть прогресс социально-экономической системы. Именно этим объясняется интерес к мезоуровню как объекту изучения, цель которого состоит в настраивании мезоуровня и управлении им «в интересах развития всей экономической системы» (Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 10). Такое понимание содержания мезоуровня экономики не могло не придать ему особый статус, качественно отличающий его от других уровней экономики. Мезоэкономические структуры, даже существующие в виде частных (микроэкономических по своей сути) компаний, должны реализовать общественные интересы (Клейнер, 2010, с. 10; 2014, с. 7). А самому мезоуровню экономики было отведено место «стен», которые вместе с «потолком» и «полом» составляют «здание» экономики (Шинкаренко, 2012, с. 117). Правда, в этой связи возникает вопрос: на чем же держался макроэкономический «потолок» и почему он не рухнул на микроэкономическую «землю», когда «мезостены» еще отсутствовали?

Само собой разумеется, термин «мезоэкономика» обозначает не только сферу экономики, но и научную дисциплину, ее изучающую (Шинкаренко, 2012, с. 117). Чтобы охарактеризовать дисциплину, необходимо ответить на три вопроса: что является объектом изучения, в чем состоит предмет анализа и какова методология исследования. Что касается изучаемого объекта (предметной области), то для современной, или «новой» (гетеродоксальной), мезоэкономики — это не средний уровень управления народным хозяйством и не (меж)региональные и/или (меж)отраслевые структуры (Кирдина-Чэндлер, 2020). Мезоэкономика — это даже не отрасль экономической науки, изучающая закономерности территориальной организации общественного производства и механизм их действия, что было характерно для традиционного мезоэкономического подхода. Объект новой мезоэкономики — динамические структуры, упорядочивающие и обеспечивающие самоорганизацию и развитие экономической системы (Кирдина-Чэндлер, 2020). При этом специфика мезоуровня как объекта изучения определяется в виде исследований, нацеленных не на изучение микро- и макроявлений, а на исследование структур и механизмов, определяющих эти явления и эффекты их действия (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2017, с. 8–9). Но нельзя не заметить, что субъекты микроуровня выполняют эти же функции. Своим поведением они координируют и развивают экономическую систему. Через это поведение они реализуют экономическую политику макроэкономических субъектов, способствуя или противодействуя достижению поставленных ими целей. Насколько хорошо или плохо — это другой вопрос.

Сложнее с предметом дисциплины, который, отражая специфическую сферу знания об изучаемой области, но не совпадая с объектом изучения, должен отражать только существенное и закономерное в исследуемом явлении. В нашем случае в зависимости от специфики определения объекта анализа можно выделить

несколько трактовок предмета мезоэкономических исследований. Для мезоэкономики локализованных структур — это принципы и механизмы, обеспечивающие устойчивость соответствующих структур. Таким же он является и для мезоэкономики сетевых структур, с той, правда, существенной разницей, что в фокусе оказываются сетевые и гибридные координационные механизмы. Для институциональной мезоэкономики — это сфера формирования институтов (Клейнер, 2018, с. 28). Для мезоэкономики общественного воспроизводства предметом является денежный кругооборот и переключающийся режим воспроизводства (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020, с. 41). В известной степени это разнообразие отражает процесс развития мезоэкономического подхода. Но, как уже отмечалось, оно свидетельствует и об отсутствии сложившейся мезоэкономической теории. В качестве консенсусного предмета мезоэкономики называется изучение структур и механизмов, которые упорядочивают «среду, в которой действуют экономические агенты» (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2017, с. 8–9). Функция мезоэкономики будет состоять в том, чтобы объяснить механизм самоорганизации экономических систем (Кирдина-Чэндлер, 2020). Но разве это не согласуется с предметом микроэкономической теории, изучающей поведение рыночных агентов с целью выявления закономерностей установления рыночного равновесия, то есть самоорганизации рынка как системы координации хозяйственной деятельности? Есть принципиальная разница. Гетеродоксальный подход не приемлет равновесности систем. Но предметное поле идентично — это поведение мезоуровневых (пусть и сложно организованных) структур и его влияние на другие уровни системы, только выраженное в завуалированной форме. Политэкономический подход к этой проблеме добавит много красок и восполнит некоторые недостатки микроанализа, но не поменяет сути предмета — анализ поведения рыночных агентов, коими являются субъекты мезоэкономики.

При исследовании мезоуровня экономики предполагается задействовать качественно иную методологию, лишенную основополагающих принципов неоклассического анализа, таких как методологический индивидуализм и экономический рационализм (Кирдина-Чэндлер, 2020), а также отличную от методологии макро моделирования, основанной на концепциях совершенного рынка, и микро моделирования, опирающегося на концепцию поиска оптимального решения по известному критерию при заданных ограничениях (Клейнер, 2010, с. 9). Вместо ценового механизма координации и конкуренции мезоэкономическая методология должна будет уделять равное внимание эффектам положительных обратных связей и альтернативным механизмам координации — кооперации и редистрибуции. Причем кооперативным формам будет отводиться определяющая роль (Петраков, 2011, с. 132; Шинкаренко, 2012, с. 119), так как деятельность мезообъектов отличается коллективными процессами (Кирилук, 2018, с. 51) и «должна сочетать коммерческие интересы с целями социально-экономического и научно-технического развития страны» (Клейнер, 2014, с. 7). Важнейшим аспектом анализа становится взаимодействие, обеспечивающее целостность и устойчивость системы (Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 10). Вместо обезличенного восприятия объектов как простейших организмов с примитивными реакциями на изменения рыночных условий предполагается анализировать их в качестве сложных эволюционирующих систем, испытывающих на себе влияние не только окружающей среды, но и исторических обстоятельств предшествующего

развития (Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 10–11). Все это, как полагают, «может привести к смене экономической парадигмы, которая будет более соответствовать реальной сложности современного мира» (Кирдина-Чэндлер, 2020). Таким образом, мы имеем дело с попыткой не только теоретического, но и методологического обоснования основных проблем мезоэкономики (Нешитой и Иванов, 2019, с. 200).

Учет в анализе всех отмеченных качеств дает неоспоримые преимущества. Однако пафос в отношении их реализации снижается из-за целого ряда возникающих вопросов. Во-первых, не сомневаясь в достоинствах кооперативной формы координации, нельзя не спросить о том, где и почему она может оказаться эффективнее конкурентно-ценового механизма? Ведь среди субъектов, относимых к мезоуровню экономики, не было отмечено таких, которые бы изменили свою рыночную сущность. Внутрифирменная кооперация, естественно, не в счет. Она существовала всегда. Определенные формы кооперации среди фирм тоже не новость, да и они обычно носят краткосрочный целевой характер. А ведь заявляется об определяющей роли кооперативной формы взаимодействия. Во-вторых, кооперация, конечно, была бы наиболее уместным способом координации для коллективно решаемых задач. Однако в экономике, опирающейся на частную собственность, даже коллективные предприятия могут считаться представителями коллективов лишь условно, с учетом их характера управления и распределения. Поэтому непонятно, какими коллективными процессами отличаются «мезообъекты». Наконец, где найти в рыночной экономике рыночные субъекты, которые были бы ориентированы на реализацию общественных целей — обычно затратных, но не гарантирующих возмещение этих затрат одновременно? Если мезоуровень будут представлять такого рода структуры, то их деятельность неизбежно будет финансироваться, а значит, и управляться государством. Присущий им оппортунизм попросту не позволит им стать генераторами инноваций, а мезоэкономике — базой устойчивого роста экономики. Без решения этих вопросов мезоэкономический подход не может рассчитывать на превращение в новое направление экономической теории.

Заключение

В зарубежной литературе, несмотря на признаки постепенного признания, мезоэкономический подход остается на периферии экономической науки. При этом его трансформация приобретает все более выраженный характер под воздействием институционального анализа, в рамках которого мезоэкономика рассматривается в качестве пространства, где неформальные правила преобразуются в формальные институты.

Активное исследование мезоэкономики в отечественной экономической науке обусловлено не только теоретическим интересом, но и практическими задачами поиска путей преодоления застоя в российской экономике и формирования модели ее устойчивого развития. Первоначально, как и на Западе, российская мезоэкономическая теория развивалась в русле региональной и институциональной экономики (см.: (Клейнер, 2018)). В последние годы (2018–2020) в рамках системно-эволюционного подхода наиболее активно развивается «новая» гетеродоксальная мезоэкономика, в которой мезоуровень трактуется как часть хозяйственной системы, где возникают и реализуются механизмы экономического развития, а мето-

дологической базой ее исследования выступает политэкономический и воспроизводственный анализ (Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2020). Такое направление нам представляется наиболее плодотворным, так как используемая им методология в наибольшей степени соответствует задачам выявления природы нового явления, то есть качественного анализа.

Сохраняющееся среди отечественных ученых настроенное отношение к новому подходу исследования экономических явлений можно объяснять по-разному. Однако подлинная причина этого — нерешенность ряда ключевых вопросов. Прежде всего это касается определения причин возникновения мезоэкономики, поскольку от их понимания зависит правильное понимание природы самого явления. Но наиболее острым для мезотеории является вопрос об уровне устройстве экономики. Странно, что именно ему уделено минимум внимания в исследованиях сторонников мезоподхода к анализу экономики. Хотя, думается, именно в этом находится ключ к решению вопроса об объективности существования мезопространства в экономике и о необходимости его выделения в качестве особого объекта изучения, а значит, и метода анализа.

Нам представляется, что основная причина нерешенности вопросов российской школы мезоэкономики обусловлена тем, что она следовала по пути, уже проторенному зарубежными сторонниками мезоидей, приспособлявая их для решения сугубо отечественных проблем. И только в последнее время она нащупывает новый системно-эволюционный подход, имеющий большой научный потенциал, учитывая эволюционную природу экономических явлений. Но, встав на позиции системности и эволюционизма, мы непременно должны задаться вопросом о той базе, которая генерирует силы, порождающие перемены в экономической системе. Без этого весьма поверхностным представляется и объяснение природы и механизма формирования новой институциональной среды и новых институтов. Ведь суть проблемы заключается не в изменениях, а в выявлении перемен, которые вызывают к жизни новых субъектов экономики, а также причин, обусловивших эти перемены. Первоисточник любых экономических перемен — развитие производительных сил общества. Нам представляется, что именно обращение к закономерностям их развития позволит решить вопрос как об уровне устройстве экономики, так и о причине возникновения мезоэкономики. Тем более что изменения, происходящие в материальной базе производства, всегда служат первоосновой формирования новых поведенческих императивов хозяйствующих субъектов, которые со временем превращаются в институты. В этой связи обращение к классической политической экономии и принципам воспроизводственного подхода представляется наиболее плодотворным. А поскольку в рыночной экономике корень всех изменений — конкуренция, то в ней и следует искать генератор условий, служащих основой для формирования нового уровня экономики. Без этого мезоэкономика не станет новым направлением в экономической теории.

Литература

- Волынский, А. И. (2017) 'Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России', *Journal of institutional studies*, 9 (3), с. 36–49.
- Волынский, А. И. (2018a) 'Мезоуровень и мезоэкономика в работах российских экономистов после 2000-х гг.', в Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Дерябина, М. А. (ред) *Мезоэкономика: состояние и перспективы*. М.: Ин-т экономики РАН, с. 33–49.

- Волынский, А. И. (20186) 'Идентификация объектов мезоуровня в российской литературе', *Journal of institutional studies*, 10 (3), с. 40–48.
- Волынский, А. И. (2020) 'Мезоуровень в экономических исследованиях: необходимость или будущая жертва бритвы Оккама?', *Актуальные проблемы экономики и права*, 14 (4), с. 667–682.
- Волынский, А. И., и Круглова М. С. (2018) 'Мезоэкономика: российский и зарубежный взгляд', в Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Маевский, В. И. (ред.) *Гетеродоксия versus экономический редуционизм: микро-, мезо-, макро*. М.: Ин-т экономики РАН, с. 195–196.
- Гельвановский, М. И., Жуковская, В. М., и Трофимова, И. А. (1998) 'Конкурентоспособность в микро-, мезо и макроуровневом измерении', *Российский экономический журнал*, 3, с. 67–75.
- Демьяненко, А. Н. (2013) 'Мезоэкономика... теперь развития (заметки на полях книги «Мезоэкономика развития»); *Пространственная экономика*, 1, с. 144–170.
- Дерябина, М. А. (2018) 'Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы', *Journal of institutional studies*, 10 (3), с. 30–39.
- Кирдина, С. Г. (2014) *Институциональные матрицы и развитие России*. М.; СПб.: Нестор-История.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2018) 'Мезоэкономика и экономика сложности: Актуальный выход за пределы ортодоксии', *Journal of institutional studies*, 10 (3), с. 6–17.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2020) *Мезоэкономика как новое направление в экономической теории: состояние и перспективы*. URL: https://www.inecon.org/docs/2020/Kirdina_Ekaterinburg_2020.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
- Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Маевский, В. И. (2017) 'Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике', *Journal of institutional studies*, 9 (3), с. 7–23.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Маевский, В. И. (2018) 'Мезоуровень экономического анализа: некоторые вопросы методологии', в Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Дерябина, М. А. (ред.) *Мезоэкономика: состояние и перспективы*. М.: Ин-т экономики РАН, с. 66–87.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Маевский, В. И. (2020) 'Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики', *Terra Econotomicus*, 18 (3), с. 30–52.
- Кириллюк, И. Л. (2018) 'Математическое моделирование мезоэкономических систем с учетом их целостности', в Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Маевский В. И. (ред.) *Гетеродоксия versus экономический редуционизм: микро-, мезо-, макро-*. М.: Ин-т экономики РАН, с. 219–228.
- Клейнер, Г. Б. (ред.) (2001) *Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия*. М.: Наука.
- Клейнер, Г. Б. (2003) 'Мезоэкономические проблемы российской экономики', *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 1 (2), с. 11–18.
- Клейнер, Г. Б. (ред.) (2010) *Мезоэкономика развития*. М.: Наука.
- Клейнер, Г. Б. (2018) 'Мезоэкономические исследования в постсоветской России: истоки', в Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Дерябина, М. А. (ред.) *Мезоэкономика: состояние и перспективы*. М.: Ин-т экономики РАН, с. 22–32.
- Клейнер, Г. Б. (2014) 'Какая мезоэкономика нужна России? Региональный разрез в свете системной экономической теории', *Вестник финансового университета*, 4, с. 6–22.
- Клейнер, Г. Б. (2020) 'Мезоэкономическая одиссея: между Сциллой и Харибдой микроэкономики', *Вопросы экономики*, 10, с. 144–153.
- Кондрагьев, Н. Д. (1989) 'К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры', в Кондрагьев, Н. Д. *Проблемы экономической динамики*. М.: Экономика, с. 48–90.
- Круглова, М. С. (2017) 'Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе', *Journal of institutional studies*, 9 (3), с. 24–35.
- Круглова, М. С. (2018а) 'Теория мезоэкономических исследований в англоязычной литературе', в Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Дерябина, М. А. (ред.) *Мезоэкономика: состояние и перспективы*. М.: Ин-т экономики РАН, с. 50–65.
- Круглова, М. С. (2018б) 'Теория мезо-институтов Клода Менара и ее использование в институциональном дизайне', *Journal of institutional studies*, 10 (3), с. 49–57.
- Маевский, В. (2010) 'Кругооборот основного капитала и экономическая теория', *Вопросы экономики*, 3, с. 65–85.
- Маевский, В. И. (2018) 'Мезоуровень и иерархическая структура экономики', *Journal of institutional studies*, 10 (3), с. 19–29.
- Маевский, В. И., и Кирдина-Чэндлер, С. Г. (ред.) (2020) *Мезоэкономика: элементы новой парадигмы*. М.: Ин-т экономики РАН.
- Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г., и Дерябина, М. А. (ред.) (2018) *Мезоэкономика: состояние и перспективы*. М.: Ин-т экономики РАН.

- Мальцев, А. А. (2019) 'Российский взгляд на мезоэкономику', *Вопросы экономики*, 9, с. 147–157.
- Нешитой, А. С., и Иванов, М. Ю. (2019) 'О новом направлении в экономической теории', *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 3, с. 195–200.
- Петраков, Н. Я. (2011) 'Развитие российской мезоэкономики', *Экономическая наука современной России*, 4 (55), с. 129–132.
- Тарануха, Ю. В. (2012) *Конкуренция: система и процесс*. М.: Дело и сервис.
- Шаститко, А. Е. (2019) 'Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований?', *Вопросы экономики* 5, с. 5–25.
- Шинкаренко, П. В. (2012) 'Развитие мезоэкономики — фактор экономического подъема', *Экономическая наука современной России*, 1 (56), с. 116–124.
- Cole, A. H. (1968) 'Meso-economics: a contribution from entrepreneurial history', *Explorations in Entrepreneurial History*, 6 (1), pp. 3–33.
- Dopfer, K. (2012) 'The origins of meso economics. Schumpeter's legacy and beyond', *Journal of Evolutionary Economics*, 22 (1), pp. 133–160.
- Dopfer, K., Foster, J., and Potts, J. (2004) 'Micro — meso — macro', *Journal of Evolutionary Economics*, 14 (3), pp. 263–279.
- Dopfer, K., and Potts, J. (2008) *The general theory of economic evolution*. London: Routledge.
- Elsner, W. (2007) 'Why meso? On "aggregation" and "emergence", and why and how the meso level is essential in social economics', *Forum for Social Economics*, 36 (1), pp. 1–16.
- Elsner, W., and Heinrich T. (2009) 'A simple theory of "meso". On the co-evolution of institutions and platform size — With an application to varieties of capitalism and "medium-sized" countries', *The Journal of Socio-Economics*, 38, pp. 843–858.
- Holland, S. (1987) *The market economy: From micro to mesoeconomics*. London: St. Martin's Press.
- Kurt, D., Foster, J., and Potts, J. (2004) 'Micro — meso — macro', *Journal of Evolutionary Economics*, 14, pp. 263–279.
- Lambooy, J. G. (1990) 'Meso-economics and organizational ecology', in Peschel, K. (ed.) *Infrastructure and the Space-Economy*. Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 254–273. https://doi.org/10.1007/978-3-642-75571-2_15
- Mann, S. (ed.) (2011) *Sectors matter! Exploring mesoeconomics*. New York: Springer.
- Menard, C. (2014) Embedding organizational arrangements: Towards a general model, *Journal of Institutional Economics*, 10 (4), pp. 567–589.
- Menard, C. (2017) 'Meso-institutions: the variety of regulatory arrangements in the water sector', *Utilities Policy*, 49, pp. 6–19.
- Menard, C. (2018) 'Research frontiers in new institutional economics', *Revista de Administração. Management Journal*, 53 (1), pp. 3–10.
- Menard, C., Jimenez, A., and Tropp, H. (2018) 'Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions', *Water International*, 43 (1), pp. 13–33.
- Menard, C., Shabalov, I., and Shastitko, A. (2021) 'Institutions to the rescue: Untangling industrial fragmentation, institutional misalignment, and political constraints in the Russian gas pipeline industry', *Energy Research & Social Science*, 80, pp. 1–14.
- Ng, Y.-K. (1982) 'A micro-macroeconomic analysis based on a representative firm', *Economica*, 49 (194), pp. 121–139.
- Ng, Y.-K. (1986) *Mesoeconomics: A micro-macro analysis*. New York: St. Martin's Press.
- Richter, M., and Dragano, N. (2018) 'Micro, macro, but what about meso? The institutional context of health inequalities', *International journal of public health*, 63, pp. 163–164.
- Stewart, F. (1992) 'Can adjustment programmes incorporate the interests of women?' in Afshar, H., and Dennis, C. (eds) *Women and Adjustment Policies in the Third World*. London: Palgrave Macmillan, pp. 13–45.
- Wittfogel, K. A. (1962) 'Agrarian problems and the Moscow-peking axis', *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies*, 21 (4), pp. 678–698.

Статья поступила в редакцию: 23.11.2021
Статья рекомендована к печати: 17.02.2022

Контактная информация:

Тарануха Юрий Васильевич — д-р экон. наук, проф.; yu.taranukha@mail.ru

Will mesoeconomics become a new direction in economic theory?

Yu. V. Taranukha

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Taranukha, Yu. V. (2022) ‘Will mesoeconomics become a new direction in economic theory?’, *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 38 (2), pp. 259–284.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.205> (In Russian)

The article provides an overview of the mesoeconomic method of analysis of modern economy and assesses its scientific potential. Given the specifics of the mesoeconomic approach development, the author examines foreign and domestic ideas around it. Foreign literature uses three approaches to the problem, from the point of view of regional economy, institutional theory, and methodological approach. The article shows that Russian scientists, building on foreign authors’ ideas, have expanded the field of scientific mesoeconomics research, developing several directions separating from each other. Examining the reasons for interest in mesoeconomics and paying tribute to the achievements of Russian science in addressing the problem under consideration, the author explores whether mesoeconomics become a new direction of economic analysis in its current state. The article demonstrates that inclusion of different economic entities in mesoeconomics results in meso-space boundaries blurring and makes the object and subject of mesoeconomic research amorphous. While recognizing evolutionary approach as possible solution to the mesoeconomics’ problems, the author highlights its limitations. Given the need to expand the new phenomena analysis tools, the article concludes that mesoeconomics has significant scientific potential. It needs to determine the nature of entities forming the meso-space, as well as establish the reasons behind their emergence. The author sees the reason in the contradiction generated by modern hyper-competition: the need for continuous innovative leadership contradicts the inability to provide it alone; this is resolved through the emergence of a fundamentally new form of production — inter-production cooperation of specialized legally and economically independent firms.

Keywords: mesoeconomics, actors of mesoeconomics, mesolevel of economic analysis, institutional mesoeconomics, heterodox mesoeconomics, mesoeconomics of social reproduction.

References

- Cole, A. H. (1968) ‘Meso-economics: a contribution from entrepreneurial history’, *Explorations in Entrepreneurial History*, 6 (1), pp. 3–33.
- Demyanenko, A. N. (2013) ‘Mesoeconomics... is now about development (Notes on the margins of the book “Mesoeconomics of development”’, *Spatial Economics*, 1, pp. 144–170. (In Russian)
- Deryabina, M. A. (2018) ‘Methodological foundations for the study of mesolevel economy as a complex system’, *Journal of institutional studies*, 10 (3), pp. 30–39. (In Russian)
- Dopfer, K. (2012) ‘The origins of meso economics. Schumpeter’s legacy and beyond’, *Journal of Evolutionary Economics*, 22 (1), pp. 133–160. (In Russian)
- Dopfer, K., Foster, J., and Potts, J. (2004) ‘Micro — meso — macro’, *Journal of Evolutionary Economics*, 14 (3), pp. 263–279.
- Dopfer, K., and Potts, J. (2008) *The General theory of economic evolution*. London: Routledge.
- Elsner, W. (2007) ‘Why meso? On “aggregation” and “emergence”, and why and how the meso level is essential in social economics’, *Forum for Social Economics*, 36 (1), pp. 1–16.
- Elsner, W., and Heinrich, T. (2009) ‘A simple theory of “meso”. On the co-evolution of institutions and platform size — With an application to varieties of capitalism and “medium-sized” countries’, *The Journal of Socio-Economics*, 38, pp. 843–858.
- Gelvanovsky, M. I., Zhukovskaya, V. M., and Trofimova, I. A. (1998) ‘Competitiveness in micro-, meso- and macro-level dimensions’, *Russian Economic Journal*, 3, pp. 67–75. (In Russian)

- Holland, S. (1987) *The Market Economy: From Micro to Meso-economics*. London: St Martin's Press.
- Kirdina, S. G. (2014) *Institutional matrices and the development of Russia*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia Publ. (In Russian)
- Kirdina-Chandler, S. G. (2018) 'Meso-economics and the complexity economy: A relevant exit beyond orthodoxy', *Journal of institutional studies*, 10 (3), pp. 6–17. (In Russian)
- Kirdina-Chandler, S. G. (2020) *Meso-economics as a new direction in economic theory: state and prospects*. Available at: https://www.inecon.org/docs/2020/Kirdina_Ekaterinburg_2020.pdf (accessed: 20.09.2021). (In Russian)
- Kirdina-Chandler, S. G., and Maevskii, V. I. (2017) 'Methodological issues of mesolevel analysis in economics', *Journal of institutional studies*, 9 (3), pp. 7–23. (In Russian)
- Kirdina-Chandler, S. G., and Maevskii, V. I. (2018) 'Meso-level of economic analysis: some questions of methodology', in Maevskii, V. I., Kirdina-Chandler, S. G., and Deryabina, M. A. (eds) *Mezoeconomika: sostoianie i perspektivy*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ. (In Russian)
- Kirdina-Chandler, S. G., and Maevskii V. I. (2020) 'The evolution of heterodox meso-economics', *Terra Economicus*, 18 (3), pp. 30–52. (In Russian)
- Kirilyuk, I. L. (2018) 'Mathematical modelling of meso-economic systems with regard to their integrity' in Kirdina-Chandler, S. G., and Maevskii, V. I. (eds) *Geterodoksiia versus ekonomicheskii reduksionizm: mikro-, mezo-, makro-*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., pp. 219–228. (In Russian)
- Kleiner, G. B. (ed.) (2001) *Meso-economics of the transition period: markets, industries, enterprises*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Kleiner, G. B. (2003) 'Meso-economic problems of the Russian economy', *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (2), pp. 11–18. (In Russian)
- Kleiner, G. B. (ed.) (2010) *Meso-economics of development*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Kleiner, G. B. (2014) 'What kind of mesoeconomics does Russia need? A regional cross-section in the light of systemic economic theory', *Vestnik finansovogo universiteta*, 4, pp. 6–22. (In Russian)
- Kleiner, G. B. (2018) 'Meso-economic Studies in Post-Soviet Russia', in Maevskii, V. I., Kirdina-Chandler, S. G., and Deryabina, M. A. (eds) *Mezoeconomika: sostoianie i perspektivy*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., pp. 22–32. (In Russian)
- Kleiner, G. B. (2020) 'A mesoeconomic Odyssey: Between Scylla and Charybdis of microeconomics', *Voprosy ekonomiki*, 10, pp. 144–153. (In Russian)
- Kondratiev, N. D. (1989) 'On the concepts of economic statics, dynamics and conjuncture', in Kondratiev, N. D. *Problemy ekonomicheskoy dinamiki*. Moscow: Ekonomika Publ., pp. 48–90. (In Russian)
- Kruglova, M. S. (2017) 'Meso-economic theory in English-language scientific literature', *Journal of institutional science*, 9 (3), pp. 24–35. (In Russian)
- Kruglova, M. S. (2018a) 'The theory of meso-economic research in the English-language literature', in Maevskii, V. I., Kirdina-Chandler, S. G., and Deryabina, M. A. (eds) *Mezoeconomika: sostoianie i perspektivy*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., pp. 50–65. (In Russian)
- Kruglova, M. S. (2018b) 'Meso-economical theory in the English-language scientific literature', *Journal of institutional studies*, 10 (3), pp. 49–57. (In Russian)
- Kurt, D., Foster, J., and Potts, J. (2004). 'Micro — meso — macro', *Journal of Evolutionary Economics*, 14, pp. 263–279.
- Lambooy, J. G. (1990) 'Meso-economics and organizational ecology', in Peschel K. (ed.) *Infrastructure and the Space-Economy*. Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 254–273. https://doi.org/10.1007/978-3-642-75571-2_15
- Maevskii, V. (2010) 'The circulation of fixed capital and economic theory', *Voprosy ekonomiki*, 3, pp. 65–85. (In Russian)
- Maevskii, V. I. (2018) 'The mesolevel and the hierarchical structure of the economy', *Journal of institutional studies*, 10 (3), pp. 19–29. (In Russian)
- Maevskii, V. I., and Kirdina-Chandler, S. G. (eds) (2020) *Meso-economics: Elements of a new paradigm*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ. (In Russian)
- Maevskii, V. I., Kirdina-Chandler, S. G., and Deryabina, M. A. (eds) (2018) *Meso-economics: State and prospects*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ. (In Russian)
- Maltsev, A. A. (2019) 'A Russian perspective on mesoeconomics', *Voprosy ekonomiki*, 9, pp. 147–157. (In Russian)
- Menard, C. (2014) 'Embedding organizational arrangements: Towards a general model', *Journal of Institutional Economics*, 10 (4), pp. 567–589.

- Menard, C. (2017) 'Meso-institutions: The variety of regulatory arrangements in the water sector', *Utilities Policy*, 49, pp. 6–19.
- Menard, C. (2018) 'Research frontiers in new institutional economics', *Revista de Administração. Management Journal*, 53 (1), pp. 3–10.
- Menard, C., Jimenez, A., and Tropp, H. (2018) 'Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions', *Water International*, 43 (1), pp. 13–33.
- Menard, C., Shabalov, I., and Shastitko, A. (2021) 'Institutions to the rescue: Untangling industrial fragmentation, institutional misalignment, and political constraints in the Russian gas pipeline industry', *Energy Research & Social Science*, 80, pp. 1–14.
- Neshitoy, A. S., and Ivanov, M. Yu. (2019) 'On the new direction in economic theory', *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, 3, pp. 195–200. (In Russian)
- Ng, Y.-K. (1982) 'A micro-macroeconomic analysis based on a representative firm', *Economica*, 49 (194), pp. 121–139.
- Ng, Y.-K. (1986) *Mesoeconomics: A micro-macro analysis*. New York: St. Martin's Press.
- Petrakov, N. Ya. (2011) 'Development of Russian meso-economics', *Economics of Contemporary Russia*, 4 (55), pp. 129–132. (In Russian)
- Richter, M., and Dragan, N. (2018) 'Micro, macro, but what about meso? The institutional context of health inequalities', *International Journal of public health*, 63, pp. 163–164.
- Shastitko, A. E. (2019) 'Meso-institutions: multiplication of entities or development of economic research program?', *Voprosy ekonomiki*, 5, pp. 5–25. (In Russian)
- Shinkarenko, P. V. (2012) 'Mmeso-economic development — a factor of economic recovery', *Economics of Contemporary Russia*, 1 (56), pp. 116–124. (In Russian)
- Stewart, F. (1992) 'Can adjustment programmes incorporate the interests of women?', in Afshar, H., and Dennis, C. (eds) *Women and adjustment policies in the third world*. London: Palgrave Macmillan, pp. 13–45.
- Taranukha, Yu. V. *Competition: system and process*. Moscow: Delo i Servis Publ. (In Russian)
- Volynskii, A. I. (2017) 'The mesolevel as an object of study in the economic literature of contemporary Russia', *Journal of institutional studies*, 9 (3), pp. 36–49. (In Russian)
- Volynskii, A. I. (2018a) 'Mesolevel and mesoeconomics in the works of Russian economists after the 2000s', in Maevskii, V. I., Kirdina-Chandler, S. G., and Deryabina, M. A. (eds) *Mezoeconomika: sostoianie i perspektivy*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ, pp. 33–49. (In Russian)
- Volynskii, A. I. (2018b) 'Identification of mesolevel objects in Russian literature', *Journal of institutional studies*, 10 (3), pp. 40–48. (In Russian)
- Volynskii, A. I. (2020) 'The mesolevel in economic research: a necessity or a future victim of Occam's razor?' *Actual Problems of Economics and Law*, 14 (4), pp. 667–682. (In Russian)
- Volynskii, A. I., and Kruglova, M. S. (2018) 'Mesoeconomics: Russian and foreign view', in Kirdina-Chandler, S. G., and Maevskii, V. I. (eds) *Geterodoksiia versus ekonomicheskii reduksionizm: mikro-, mezo-, makro-*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., pp. 195–196. (In Russian)
- Wittfogel, K. A. (1962) 'Agrarian problems and the Moscow-peking axis', *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies*, 21 (4), pp. 678–698.

Received: 23.11.2021

Accepted: 17.02.2022

Author's information:

Yury V. Taranukha — Dr. Sci. in Economics, Professor; yu.taranukha@mail.ru